

© 2022 г.

В.С. МАРТЬЯНОВ

COVID-19 И КОНТУРЫ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» ПОЗДНЕМОДЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, директор Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (martianov@instlaw.uran.ru).

Аннотация. В статье обосновывается гипотеза, что пандемия COVID-19 ускорила и легитимировала социальные изменения, связанные с упадком представительной демократии, массовой занятости и экономического роста. Идеологические координаты общества массового труда устаревают в качестве релевантной модели описания. В результате фиксируется снижение военной, экономической и гражданско-политической значимости большинства. Расширяется запрос прекариатных групп на восстановление своей полезности в альтернативных критериях, которые со временем зафиксируют новую политическую и экономическую нормальность. Усиленные пандемией гражданские протесты и радикальные практики меньшинств являются частью процесса критического пересмотра консолидирующих ценностей общества труда и перехода к новой нормальности. Аргументируется вывод, что рост «лишних людей» актуализирует запрос на внеэкономические коммунитарные ценности и ресурсы, обеспечиваемые преимущественно государством. Пересмотр привычных рыночно-трудовых иерархий общества эмпирически подтверждается ценностным разрывом поколений. Во-первых, пессимизмом молодежи в отношении перспектив повысить жизненный уровень относительно предшествующих поколений. Во-вторых, жизненными стратегиями молодого поколения, предпочитающего адаптивные практики, связанные с рентоориентированным поведением и лояльностью к поколению родителей. В-третьих, позднемодерное общество характеризуется упадком политической субъектности. Все это ограничивает потенциальные масштабы будущих преобразований, преимущественно связанных с базовым безусловным доходом и избирательным расширением рентного доступа.

Ключевые слова: COVID-19 • коронавирус • общество труда • гетерархия • прекариат • стратификация • новая нормальность • рентоориентированное поведение • молодежь

DOI: 10.31857/S013216250016833-9

Пандемия COVID-19 как катализатор социальных перемен. Усилившиеся в связи с пандемией системные экономические и политические сбои требуют изменения общественных приоритетов, выстраивания новых иерархий ценностей и обновления морально-политических и экономических регуляторов жизни современных обществ. Социальные метаморфозы в условиях сбоя рутинных норм, институтов и практик характеризуются противоречивостью, многослойностью и нелинейностью. В условиях пандемии идеологические дискуссии правых и левых теряют убедительность, смещается общая система идеологических координат, а социальные нормы (догмы) и отклонения от них если и не

меняются местами, то обнаруживают свой исходно релятивный и договорный характер. Подобные социальные метаморфозы не всегда катастрофичны, они служат катализаторами давно назревших обновлений, зачастую обнаруживая парадоксально позитивные эффекты и последствия изначально негативных перемен [Кравченко, 2017]. В конце концов, средневековая эпидемия чумы в Европе способствовала усилению и централизации светской власти, религиозной веротерпимости, отмене крепостного права, урбанизации и росту стоимости рабочей силы; последующая эпидемия сифилиса содействовала становлению строгой протестантской морали, внесшей существенный вклад в последующие успехи капитализма; побочным эффектом Второй мировой войны стал мощный рывок человечества в освоении космоса, атомной энергии и в медицинских технологиях.

В настоящем снова растет запрос на экспериментальные политические решения, которые отражают новейшие социальные закономерности и тенденции социальной политики. В ходе развертывания пандемии COVID-19 современные общества активно масштабируют экспериментальные социальные практики и концепции, которые имели место на его классовых и географических перифериях, были прежде объектом *насмешки, игнорирования, подавления или преследования*. В ситуации переконфигурации социальной структуры общества эти избыточные, еретические, маргинальные и даже криминальные представления оказываются востребованы обновленным социально-политическим порядком [Лобовиков, 2015]. Пандемия осуществляет структурные возможности, для реализации которых общество уже созрело, но при этом продолжает мыслить себя в категориях сложившихся ранее приоритетов и иерархий социальных интересов, чья онтологическая конфигурация испытывает все большие деформации. Возникает патовая ситуация, когда, с одной стороны, для слома позднемодерного политического порядка не удаётся накопить революционных противоречий, несмотря на множество частных конфликтов, которыми это общество пронизано на локальном, национальном и глобальном уровнях. С другой – происходят дифференциация и усложнение коллективных взаимодействий, становится все сложнее поддерживать универсальные публичные пространства. Распад этих пространств затрудняет поддержание привычных иерархий и способствует революционным состояниям гетерархии (наличие разных центров легитимации социального порядка), когда одновременно сосуществуют альтернативные ценностно-институциональные обоснования а) должного социально-политического порядка и б) общего блага, которые в идеале должны совпадать. Таким образом, запускается поиск новых способов сборки социального, политического и культурного пространств.

Под влиянием социально-экономических последствий COVID-19 формируются новые функциональные коллективности. Национализм, популизм и риторика *обделенных меньшинств* в доступной и поверхностной форме артикулируют общий разворот базового либерального консенсуса от его неолиберальной к разнообразным неокommунитарным версиям [Фишман, 2014], от лояльного *методологического индивидуализма* экономического мейнстрима к коллективным политическим практикам, ставящим под сомнение сложившиеся ценностно-институциональные иерархии. Субъектами коллективных практик часто оказываются разрастающиеся прекариатные группы, которые действуют в логике разрушения универсума ценностей *общества труда*. Последнее больше не может предложить эффективных способов улучшения положения и перспектив *людей труда*, демонстрируя в условиях пандемии лишь усиление нисходящих социальных траекторий, рост безработицы, падение уровня жизни, масштабное разорение мелкого бизнеса, все более избирательную поддержку со стороны социального государства и т.д. В ситуации делегитимации ценностно-институциональных иерархий *общества труда* новые группы со *слабыми* социальными связями (*френды* в соцсетях, коллегиальные, соседские, ситуативные и низкоинтенсивные социальные контакты) все чаще начинают обладать *влиятельными* в публичном поле идентичностями, какими бы спорными они не представлялись (BLM, антиваксеры, экологические движения, *желтые жилеты*, горожане, волонтеры, сообщества подписчиков *звезд* социальных сетей и телеграм-каналов, локальные гражданские

инициативы против точечных застроек, вырубки парков, сноса/установки памятников, специфические субкультуры и т.д.), а также зачастую более эффективными потенциалом мобилизации и культурными кодами, чем привычные семьи, экономические классы и идеологические партии, лишаящиеся *сильной* консолидирующей субъектности [Granovetter, 2005]. На практике это приводит к тому, что позднемодерные политические элиты могут создать лишь временные и паллиативные балансы интересов различных групп в качестве своей легитимирующей базы, будь то новые поколения, меньшинства, корпорации, бюджетные сословия, рыночные группы (малый бизнес), нуклеарные семьи, пенсионеры и иные контекстуально пересекающиеся и слабо связанные внутри себя сообщества. При этом внятные и долгосрочные ценностные основания их совместного, а тем более союзнического сосуществования оказываются едва ли не главной проблемой, тесно связанной с предъявлением и согласованием новых иерархий распределения доступных ресурсов. Последняя задача выполнима в контексте поиска альтернативного политического порядка – посттрудового, пострыночного и посткапиталистического, который не может быть очередной *настройкой* рыночных либеральных демократий, стремительно и повсеместно теряющих свою либеральную, демократическую и рыночную онтологию *обществ труда* [Фишман и др., 2019].

Устойчивые тенденции радикализации имущественного неравенства во всех современных обществах свидетельствуют о том, что в условиях усиления рентных и сословных критериев социальной стратификации будущее общество все чаще не имеет необходимости риторически и практически опираться на ценностный концепт *большинства*, лежащий в фундаменте демократии. В то же время большинство перестает питать иллюзии относительно перспектив стать массовым *средним классом*, обнаруживающим признаки идеологии, которая так и не была воплощена в какой-либо социально-экономической реальности [Вайс, 2021]. В XXI в. возврат уровня неравенства идет даже не к стратификационной модели накануне Первой мировой войны, когда 90% населения европейских стран составляло бедное большинство, противопоставленное богатому верхнему децилю. Благодаря высокотехнологичной и мобильной глобальной экономике, все чаще связанной с нематериальными активами, происходит резкая концентрация богатства на самом вершине доходной пирамиды, когда уже не 10%, а всего 1% населения в национальном и глобальном разрезе уходит в нарастающий отрыв от остальных 99% [Стиглиц, 2016]. В 1980–2016 гг. 50% нижней доходной части человечества получили 13% от общего роста доходов в этот период, а всего 1% наиболее богатых забрал в два раза больше – 27% от совокупного прироста доходов в мире¹. В России 1% населения контролирует до 58% национального богатства, что является примером одного из наиболее контрастных расслоений богатства в национальном измерении. Наконец, в глобальном разрезе 1% наиболее богатых контролировали в 2019 г. 45% всех экономических активов человечества, демонстрируя в последние десятилетия уверенную тенденцию к постоянному увеличению своей доли².

Однако вместо политических инструментов снижения неравенства, связанных с прогрессивным налогообложением доходов и наследств, выравниванием шансов на рынках труда и образования, политические элиты для реанимации привычной модели роста стимулируют дешевое кредитование для населения. Заемное потребление рано или поздно оборачивается волнами массовых банкротств, безработицы, дефолтами национальных экономик и лопнувшими пузырями фондового рынка. При этом глобальные элиты все интенсивнее взаимосвязаны на фоне разобщения подавляющей массы граждан, остающейся ограниченной рамками своих *национальных квартир*. Эта тенденция вполне соответствует повсеместному переходу от *оседлого* к *кочевому* типу освоения ресурсов элитами

¹ С. 9. World Inequality Report. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-english.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

² С. 13. Global wealth report. 2019. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

современных обществ, который освобождает их от многих обязательств по отношению к *коренному населению* и позволяет выводить в случае опасности свои финансовые активы в офшоры из-под действия тех или иных национально-территориальных юрисдикций. Соответственно снижается необходимость делиться контролируемыми ресурсами и добиваться лояльности большинства того или иного политического сообщества посредством демократических процедур, когда можно создать *двойное* или *сословное* общество, разные части которого живут в непересекающихся социальных реальностях.

Технологии территориально-географической сегрегации жизни аристократии/буржуазии и большинства, принимающего основные издержки и негативные экстерналии капитализма и глобализации, исторически сформированы во всех классовых обществах. Современные мегаполисы демонстрируют модели усиленной сегрегации жителей разных районов, несмотря на отсутствие видимых барьеров между ними, а в национальном измерении все чаще релевантны центробежные пространственные модели дифференциации политического сообщества на *разные* Франции³ или России⁴. Глобальное усиление неравенства становится одним из ключевых вызовов для демократии [Миланович, 2017]. Последняя, будучи повсеместно сведена к ее формально-процедурному шumpетерианскому пониманию как конкуренции элит за голоса избирателей, остается нечувствительна к этим вызовам, что дискредитирует ее в глазах большинства еще больше. Значительно хуже обстоят дела с легитимирующей метафорой рынка, который, не будучи сдерживаем внеэкономическими регуляторами, генерирует все большее экономическое неравенство в пользу все меньшего числа бенефициаров.

Субъектные стратегии молодых поколений в условиях «новой нормальности»: от прогресса/изменений к адаптации/ренте? Пессимизм в ожидании революционных перемен связан с проблемой распада эффективного коллективного действия, классового политического субъекта и экономических классов в позднем Модерне. Новые политические субъекты находятся в поиске себя (класс-в-себе), что структурно аналогично пока еще смутному *третьему сословию* в основе намечающейся онтологии посттрудового общества. В свое время третье сословие распалось на экономические классы – буржуа и наемных работников, если не считать людей свободных профессий. *Креативный класс, самозанятые, бюджетники, силовики* и иные социальные группы, являющиеся структурными следствиями распада экономических классов, пока разнородны, хотя нередко находятся в сходном положении по отношению к правящим элитам и страдают от глобального упадка общества труда. Множество обделенных меньшинств объединяется в недифференцированную массу *прекариата*, чье положение в социальной структуре описывается как отклонение от социальных статусов, функций и моральных норм привычных *трудовых классов* [Прекариат..., 2020]. Социальная структура общества труда и его консолидирующие ценности испытывают радикальные трансформации под усиливающимся воздействием новых фоновых факторов – пределов роста, ускорения автоматизации и роботизации, сокращения потребности в массовом труде, увеличения *лишних людей*, усиления альтернативных идентичностей и т.д.

Идея прогресса и истории как процесса бесконечного расширения возможностей для всех обнуляется не только повсеместной приостановкой роста ВВП, но и настроениями молодых поколений, которые все отчетливее осознают, что не будут жить лучше, чем поколения родителей и дедов. Соответственно стратегии активного преобразования общества в контексте веры в широкие социальные лифты и технологические возможности оборачиваются преобладанием адаптивных настроений и пессимистических взглядов на будущее. Исследования показывают, что «во многих странах молодые люди уже

³ Bockel O. Les trois France: entre périphéries et métropoles. 07.02.2018. URL: <https://lvsl.fr/trois-france-entre-peripheries-metropoles/> (accessed 25.05.2021).

⁴ Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 25.05.2021).

начали смиряться с тем, что, вероятнее всего, будут зарабатывать меньше своих родителей. Средний класс, который неплохо себя чувствовал в 1990-х гг. почти во всем мире, кроме Восточной Европы и постсоветского пространства, сейчас заметно съезживается, нынешнюю эпоху трудно назвать эрой экономического процветания. Зная об этом, молодежь не торопится съезжать от родителей, даже если уже окончили школу. Растущую ценность приобретает стабильность и возможность получить работу, особенно в технологически развитых экономиках, которые обозначают тренд для всех остальных. Молодые поколения не спешат заводить детей и семьи, а их позиции на рынке труда недалеки от неустойчивого положения мигрантов в собственной стране. Глобализация из образа будущих возможностей стала символом всеобщей тревоги и угроз [Лапина, 2020]. Половина граждан Великобритании, США и Германии не ждут, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная; только 14% американцев, 15% немцев и 19% англичан верят в то, что молодое поколение будет жить в будущем богаче, безопаснее и здоровее. В 2015 г. в США 55% опрошенных были согласны с тем, что в условиях капитализма бедные беднеют, а богатые богатеют, что определенно сигнализирует о конце *американской мечты* непосредственно в месте ее возникновения⁵.

В исследовании структуры глобального богатства финансовой группы «Credit Suisse» отмечается, что миллениалы (поколение Y), вступившие в совершеннолетие в XXI в., активно опираются на материальную поддержку своих родителей. Ее значимыми аспектами являются как помощь в получении образования, покупке недвижимости, так и вступление в права наследования [Global wealth report, 2019: 33]. Подобная рента с предыдущих поколений становится значимым аспектом долгосрочных жизненных стратегий молодежи, чьи карьерные перспективы на рынке труда оказываются более ограниченными и сомнительными, чем у предшествующих поколений. В условиях неопределенности сокращаются горизонты планирования, увеличивается *географическая рента* и неравенство шансов внутри молодых поколений в центр-периферийном пространственном измерении: как отмечают исследователи, «препятствиями для реализации жизненных планов, помимо кумовства, закупоривающего социальные лифты, являются сужение рынка труда и высокая конкуренция специалистов в результате неблагоприятной экономической ситуации, недостаток возможностей для получения первичного опыта работы для молодежи, недостаток финансов (на жилье, образование, развитие бизнеса, переезд и т.д.), постоянно меняющиеся правила игры» [Седова, 2019: 528]. Наконец, в настоящее время почти невозможно спрогнозировать, как долго *трудящиеся классы* смогут осуществлять накопления и передавать их детям в изменившихся экономических условиях и демографической ситуации простого воспроизводства. В инерционном сценарии наследственная передача и накопление богатств в условиях складывающейся модели общества без *экономического роста, вертикальной мобильности и массового труда* будет способствовать усилению имущественного неравенства новых поколений. И этот сценарий позволяет убедительно прояснить значимые социально-экономические причины ситуации, в которой «поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни» [Твенге, 2019].

Таким образом, властный контроль, иерархии, наследование и статусные различия становятся все более органичными социальными регуляторами взамен распадающегося формально-правового равенства индивидуальных возможностей, прав и свобод. Молодые поколения перестают активно отрицать значимость и достижения своих родителей, вступая с ними в новую межпоколенческую *рентно-ресурсную модель взаимодействия*, которую иногда поверхностно интерпретируют как впервые в истории достигнутое

⁵ What the thinks of capitalism. 03.11.2015. URL: <https://social.shorthand.com/montie/3C6iES9yjf/what-the-thinks-of-capitalism> (accessed 25.05.2021).

взаимопонимание и дружбу отцов и детей⁶. Российские миллениалы демонстрируют более высокий уровень образования, владения электронными технологиями, приверженность здоровому образу жизни, но при этом они откладывают на более позднее время, в том числе по прагматическим экономическим причинам, начало взрослой (самостоятельной, автономной от родителей) жизни, связанной с принятием таких жизненно важных решений, как «вступление в брак, первая беременность и рождение детей, выход на рынок труда» [Радаев, 2020: 55]. Миллениалы придают меньшее значение ценности труда и трудовой карьеры, чаще меняют место работы, но при этом не показывают статистически значимых отклонений от предыдущих поколений в области предпринимательской инициативы и стремления к собственному бизнесу [там же: 32–36].

Вместе с движением поколений, которые вынуждены адаптироваться к новым рентам и сословным факторам структурирования общества, меняются и институциональные формы выражения, согласования и продвижения коллективных интересов.

Современные представительные демократии и способы их воспроизводства становятся нерепрезентативными в обновляющейся социальной структуре, которая все чаще не способна обеспечивать поступательный рост возможностей и благосостояния для большинства, что являлось главным историческим обещанием демократии. Формальное соблюдение алгоритмов и процедур воспроизводства современной элитарной демократии вызывает растущую критику с точки зрения способности согласовывать, отстаивать и просто выражать интересы большинства в ситуации кризиса согласительных политических систем [Руденко, 2019]. Рост внутренней конфликтности и переструктурирование социальной структуры общества проявляются в кризисе классовых партий и идеологий, подъеме популизма, национализма и практик цветных революций и переворотов, которые уверенно проникают из периферийных обществ в западные страны, в виде движения желтых жилетов во Франции, расовых гражданских волнений в США и т.д. Несистемные движения и спонтанные виды гражданской активности все чаще указывают на то, что реальные проблемы, запросы на изменения и принципиальные политические дилеммы находятся за рамками узкого процедурного дискурса демократии как закрытой конкуренции элит; капитализма как саморегулируемых и справедливых свободных рынков; либерализма как утопии бесконечного расширения индивидуальных возможностей и свобод. Указанные метафоры все хуже соотносятся с реалиями современных обществ, а тем более не способны объяснить происходящие в них изменения способов организации экономической, социальной и политической жизни⁷. При этом внутренне нестабильные демократии много раз возникали и исчезали в человеческой истории, они вовсе не являются ее всеобщим фукуямовским финалом: «Греческие республики стали деспотиями, римская – империей, средневековые итальянские республики – монархиями, новгородская пала, венецианская сдалась Наполеону, почти вся демократическая Европа – Гитлеру. И если бы не самозабвенная борьба советского народа, ведомого тоталитарной властью, демократии в ее нынешнем виде в Европе не было бы» [Karaganov, 2019: 65–66].

Утверждения о разного рода концах – истории, коммунизма, гуманизма, идеологии – свидетельствуют лишь о том, что дискурс, в рамках которого были сформулированы эти утверждения, позиционировался как безальтернативный. Между тем сильный субъектный проект Модерна означает, прежде всего, бесконечное соревнование альтернатив, отказ от вечных ценностей и неизменного в поколениях образа жизни в пользу перманентных и динамичных социальных изменений, интенсивной мобильности, рефлексивной социальной, роста пространств автономии индивидов – всего того, что противоречит стратегии

⁶ Шульман Е. Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить // Правмир. 17.08.2019. URL: <https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/> (дата обращения: 25.05.2021).

⁷ Chu B. Scrap the rhetoric. There's no such thing as capitalism // Independent. 15.11.2015. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/scrap-the-rhetoric-theres-no-such-thing-as-capitalism-a6735506.html> (accessed 25.05.2021).

культурных и социальных регуляторов домодерных обществ. Скорость социальных изменений в современном обществе такова, что даже на протяжении человеческой жизни способ существования, цели и базовые ценности большинства граждан могут быть существенно изменены, как показывают и опыты мировых форсированных модернизаций, и глобальные социологические опросы, согласно которым все современные общества пронизаны постматериальными импульсами и с разной скоростью движутся в едином направлении ценностных изменений [Inglehart, 2018]. Поэтому объяснение особенностей реализации проекта Модерна в разных конкретных обществах – *быстрого успеха, приостановки, инволюции, отката, институциональной вариативности модели* – посредством апелляции к накопленным и воспроизводящимся в неизменном виде культурным архетипам, *идентичностям и ментальностям* представляется весьма ограниченным по своему объяснительному и прогнозическому потенциалу.

Увеличение ведущих акторов глобального мира и радикализация неравенства и различий внутри наций-государств и мировой экономики, ведущие к эскалации политических, экономических, культурных конфликтов, инициируют соблазн объяснить эти явления сквозь призму цивилизационной парадигмы и устойчивых культурных различий. Однако подобное объяснение фактически работает на закрепление этих различий, подразумевая их непреодолимость и *объективный характер* следующих из них дискриминационных практик, неравенства, нормативного партикуляризма различных духовных скреп, к которым апеллируют неотрадиционалистские элиты, закрепляющие свою легитимность подобной политической риторикой. Таким образом, в условиях Модерна цивилизационный дискурс имеет скорее прагматическое, популистское применение, чем является способом объяснения закономерностей, действующих на современное человечество.

Вопрос инициации назревших в позднемодерном обществе изменений состоит в том, что они требуют принципиального отказа от ранее принятых целей, способов их достижения и описывающих/легитимирующих их понятий. В подобном контексте кризис неолиберального мейнстрима и стоящей за ним рыночно-демократической социальной метафоры и онтологии дает неожиданные преимущества *периферийным обществам*, которым особо нечего терять на указанном пути. Отставание и маргинальность превращаются в неожиданное преимущество, когда осознаются как конец очереди, ведущей в тупик⁸. Соответственно найти альтернативы проще, открепившись от иерархий и понятий западного мейнстрима, входящего в фазу исторического упадка. Проблема в том, что обходные пути, которые станут новыми столбовыми дорогами человечества, необходимо конструировать в глобальной, мир-системной перспективе. Глобальный запрос на новую сборку универсального социального, экономического и политического пространств очевиден. В этом контексте партикулярный хаос дискурсов привилегированных/стигматизированных меньшинств на обломках экономических классов является лишь переходной стадией к универсальным системам внеэкономических посттрудовых ценностей, без которых *большое общество* не сможет воспроизводиться [Срничек, Уильямс, 2019]. Очевидно, что доминирующие ценности, последним историческим аккордом которых было утверждение о *конце истории* в виде рыночно-либеральных демократий, будут необратимо трансформироваться. Это не значит, что окончательно утрачены возможности для воссоздания *либерального консенсуса* в основе позднего Модерна, чья радикальная идеологическая трактовка в виде *конца истории* была всего лишь одним из *особенных* вариантов, претендовавшим на статус всеобщего. Ключевым и политически наиболее чувствительным вопросом является *переоценка* индивидуальной и коллективной *полезности* в условиях *ограниченных ресурсов*: какие качества и способности граждан будут востребованы обществом, а какие подвергнутся девальвации; какие ценности и социальные группы,

⁸ Дерлугьян Г. Тупик как историческая развилка возможностей // Эксперт. 2007. № 40 (581). 29.10.2007. URL: https://expert.ru/expert/2007/40/obschestvennie_nauki/ (дата обращения: 25.05.2021).

ресурсы и технологии общество станет считать более полезными для своего актуального существования, а какие будут утрачивать свою былую значимость?

Критерии социальной справедливости являются относительными, устанавливаемыми каждой исторической эпохой или историко-политическим проектом. В зависимости от высших смыслов своего существования политический субъект воспроизводит внутри себя справедливость как идею своей гармонии, меры, соразмерности. Не существует эффективного способа, который мог бы раз и навсегда зафиксировать окончательную справедливость на основании синтеза консервативных, либеральных и коммунитарных субъектов с их релятивными представлениями, которые невозможно универсализировать за пределами соответствующих идеологий. Каждый субъект претендует на правду реальности, но в реальности это всегда не более, чем динамичная гегемония более справедливых субъектов, на основании версий, перспектив или интерпретаций реальности, даже если субъект пытается остаться в пределах позитивистских и естественнонаучных подходов.

Процессы переоценки ценностей ведут к необратимому изменению сложившихся классовых, статусных, ресурсных и властных иерархий в обществе, связанных с контролем властного аппарата государства. Безусловно, политическим элитам хотелось бы определять ценность/полезность всех остальных социальных групп в рамках социального порядка, бенефициарами которого они выступают. Тем не менее в современных обществах механизмы гегемонии и монополизации ресурсов немногими всегда наталкиваются на встречные тенденции выравнивания в интересах большинства, поддерживаемых ценностью демократии и формальным равенством гражданских прав. Соответственно любые ценностные основания нового социального порядка и следующие из них нормативные практики могут обрести прочность только при условии широкого, а значит всегда компромиссного общественного согласия, в которое так или иначе вовлечено большинство. Только в ходе признания общего коллективного воображаемого оно превращается в инструмент материального коллективного взаимодействия. *Нарастающее открепление большинства от трудовой, военной, электоральной, предпринимательской, демографической ценности превращает его в потенциального субъекта глобального ценностно-этического поворота. Последний в перспективе может позволить совместить трансформацию коллективных социальных практик и институтов с новыми форматами их общественной полезности, будь то волонтерство или любая иная активность граждан на благо общества, доказывающая их новые гражданские добродетели, которые должны быть вознаграждены обществом.*

Ценностно-институциональные факторы «новой нормальности» в контексте пандемии COVID-19. Периферийные и маргинальные ранее социальные ценности, практики и технологии, активированные пандемией COVID-19, могут стать в будущем новыми нормами и центральными политическими и экономическими институтами, войти в рутинные практики. Инициированное пандемией поисковое социально-политическое конструирование, усиление ценностных и институциональных альтернатив, изменение приоритетов социальной регуляции в долгосрочной перспективе могут привести к созданию новой модели социальной политики и принципов достижения общественного согласия, более адекватных трансформирующейся социальной и экономической структуре современных обществ труда. Тем более что обещанные свободными рынками выгоды от коммодификации жизненного мира большинство граждан получает все реже, так как рыночная цена этого большинства в привычных категориях военной и трудовой полезности стремительно девальвируется.

В позднем капитализме источники экономического роста близки к исчерпанию, рынок массового труда сокращается, а технологический прогресс замедлился. В условиях достижения глобальных пределов емкости рынков все чаще доминируют стратегии индивидуального и коллективного рентоориентированного поведения. Однако эти стратегии могут приносить выгоды своим адептам только тогда, когда они еще не являются нормой, иначе рентный доступ размывается и утрачивает смысл. В лучшем случае становится возможной ситуация двойной нормы и двойных стандартов, причем большинство, живущее

по базовой норме, не должно перенимать привилегированные права меньшинств. Соответственно меньшинства объективно не заинтересованы в том, чтобы их норма стала всеобщей, что возможно только в переходной ситуации. Она базируется на разрушении универсальных правил и институциональных пространств в пользу *исключений и привилегий* для рентных меньшинств. Последних становится все больше, а их партикулярные и хаотичные стратегии все труднее обеспечить за счет последовательного ресурсного ограничения большинства. В контексте распада экономических классов, в качестве массового агента политического действия функционально начинают преобладать партикулярные субъекты. Они утрачивают способность к эффективной организации своих коллективных (классовых) интересов в пространстве *истории и большого общества*, а потому более не могут сформулировать привычных модернистских идеологий и утопий, ориентированных на большинство. Коллективная активность локальных субъектов связана преимущественно с действиями символического и виртуального порядков, которые не ведут к реальным изменениям общества, но направлены на ситуативную адаптацию малых социальных групп к внешним условиям [Мартьянов, 2018].

Все это ведет лишь к временной отсрочке нового общественного согласия относительно изменившейся социальной структуры социума, принципов и иерархии доступа составляющих его социальных групп к располагаемым ресурсам. Тенденции исчерпания нелиберальных рыночных метафор в основе общественного согласия эмпирически подтверждаются, во-первых, растущим глобальным пессимизмом в отношении перспектив молодых поколений повысить свой жизненный уровень в сравнении с предшествующими поколениями. Например, в 2019 г. *коммунитарный поворот* подтверждается тем, что половина (49,6%) опрошенных американских миллениалов и зумеров предпочли бы жить в социалистической стране, при 37,2% сторонников социализма от общей выборки респондентов⁹. Во-вторых, жизненными стратегиями нового поколения молодежи, которое не склонно требовать социальных перемен, но предпочитает адаптивные социальные практики, связанные с рентоориентированным поведением и лояльностью в отношении поколения своих родителей.

Умножающиеся нерыночные группы в ситуации нисходящей социальной мобильности все чаще артикулируют запрос на общий пересмотр критериев полезности граждан в ситуации становящегося посттрудового общества. До сих пор они сами и их возможные утопии были довольно слабы и маргинальны, но ситуация пандемии катализировала процесс расширения социально-политических и ресурсных неравенств и конфликтов. Наблюдаемая мобильность, текучесть и промежуточность всех нынешних идентичностей, статусов и практик коллективных субъектов неизбежно отольется в новые институциональные формы и иерархии. И зачастую именно радикализация и субъектности, и субъективности, отрывающая от мейнстримных представлений, фиксирующих *онтологию вчерашнего дня*, ведет к наиболее универсальным и справедливым выводам, которые истинны для большинства здесь и сейчас. Все более четкие контуры некапиталистического будущего обнаруживают отсутствие у капитализма/рынка каких-либо выходящих за рамки методологического индивидуализма *экономического человека* социальных, политических или культурных смыслов, позволяющих удерживать общество от распада. При том что компенсирующие чистую логику капитала религиозные этики он уже имплементировал в качестве своих внеэкономических легитимаций, а сопутствующие процессы *естественной* коммодификации, достигнув своего предела, обернулись против капитализма, который все чаще не может оплатить предъявляемые ему счета относительно авансированных им ранее перспектив и возможностей. Все это усугубляется отсутствием у капитализма способности к социальной регуляции коллективного взаимодействия, связанной не только

⁹ Kight S.W. Exclusive poll: Young Americans are embracing socialism // Axios. 10.03.2019. URL: <https://www.axios.com/exclusive-poll-young-americans-embracing-socialism-b051907a-87a8-4f61-9e6e-0db-75f7edc4a.html> (accessed 25.05.2021).

с выгодами, но и с моральной стимуляцией поведения, основанного на долге перед другими людьми [Jameson, 2009: 469].

В долгосрочной перспективе актуальный упадок рыночной стратификации настойчиво требует *переизобретения* общества и новой модели социальной политики, а также пересмотра привычных способов воспроизводства и распределения общественных благ, связанных с экономическими классами, капиталистическими рынками и наемным трудом. В актуальном контексте чаша исторических весов все больше склоняется к версии справедливости, которая не сводит ценность людей к их ограниченной или инструментальной полезности в тех или иных сферах человеческой жизнедеятельности с точки зрения определенного класса, рынка или государства. Это коммунитарная версия справедливости, готовая вознаграждать их за то, что они являются частью общества *хороших* или *добродетельных* граждан, естественным образом стремящихся к *общей пользе*, которая может быть выражена самыми разнообразными видами активности – самообразование, воспитание детей, волонтерство, общественные работы, создание общедоступных культурных и интеллектуальных благ и т.д. Подобное направление дальнейшего развития общества указывает на преходящий характер внешнего экономического принуждения и трудовой эксплуатации людей в основе прогресса, который может быть преодолен в пользу более свободной регуляции общественно полезной деятельности, не сводимой только к привычным образам отчужденного труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2534-0>.
- Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14.
- Лапина Н.Ю. Не очень счастливая глобализация: французский опыт // Россия и современный мир. 2020. № 2 (107). С. 190–209.
- Лобовиков В.О. Криминология, история философии и дискретная математическая модель формальной аксиологии преступной деятельности («По понятиям» ли мыслили и жили выдающиеся философы?) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 5–24.
- Мартыанов В.С. Политические субъекты позднего капитализма: от экономических классов к рентоориентированным меньшинствам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 3(43). С. 181–190.
- Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.764>.
- Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. Т. 19. № 4. С. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00012>.
- Седова Н.Н. Жизненный успех молодежи – от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505–529. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>.
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо, 2016.
- Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: Рипол-Классик, 2019.
- Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. № 4. С. 152–165. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.10>.

- Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>.
- Granovetter M. 2005. The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1. Pp. 33–50.
- Inglehart R. 2018. *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the*. Cambridge University Press.
- Jameson F. *Valences of the Dialectic*. UK: Verso, 2009.
- Karaganov S.A. 2019. A Predictable Future? // *Russia in global affairs*. V. 17. No 2. P. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74>.

Статья поступила: 16.09.21. Финальная версия: 03.12.21. Принята к публикации: 02.02.22.

COVID-19 AND REDESIGN OF THE LATE MODERN SOCIETY

MARTIANOV V.S.

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS, Russia

Victor S. MARTIANOV, *Cand. Sci. (Polit.)*, Director, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia (martianov@instlaw.uran.ru)

Acknowledgements. The research is supported by grant RFBR, project No. 20-04-60337.

Abstract. The article supports the hypothesis that the COVID-19 pandemic accelerated and legitimized societal change associated with the decline of representative democracy, mass employment and economic growth. The ideological coordinates of the society of mass labor are becoming obsolete as a relevant model of description. As a result, a decrease in the military, economic and civil-political significance of the majority is observed. The request of precariat groups to restore their usefulness in alternative criteria is expanding, which will eventually bring about a new political and economic normality. Civil protest intensified by the pandemic and the radical practices of minorities are part of the process of a critical revision of the consolidating values in the labor society and transition to a new normality. The conclusion is argued that the growth of “unnecessary people” actualizes demand for non-economic communitarian values and resources provided mainly by the state. The revision of the usual market and labor hierarchies of society is empirically confirmed by the value gap between generations. First, the pessimism in rising generation regarding the prospects of improving standard of living compared to previous generations. Second, the life strategies of generation Z prefer adaptive practices associated with rent-oriented behavior and loyalty to the generation of parents. Third, late modern society is characterized by a decline of political subjectivity. All this limits potential scope of future transformations, mainly related to basic unconditional income and selective expansion of rental access.

Keywords: COVID-19, coronavirus, labor society, heterarchy, precariat, stratification, new normality, rent-seeking behavior, youth.

REFERENCES

- Fishman L.G. (2014) Liberal Consensus: Drift from Neoliberalism to Communitarianism. *Politicheskiye issledovaniya* [Political studies]. No. 4: 152–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.10>.
- Fishman L.G., Martianov V.S., Davydov D.A. (2019) *The Rental Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>.
- Granovetter M. (2005) The Impact of Social Structure on Economic Outcomes. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1: 33–50.
- Jameson F. (2009) *Valences of the Dialectic*. UK: Verso.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the*. Cambridge University Press.
- Karaganov S.A. (2019) A Predictable Future? *Russia in global affairs*. Vol. 17. No. 2: 60–74. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74>.
- Kravchenko S.A. (2017) Metamorphoses: essence, complicating types, place in sociological knowledge. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–14. (In Russ.)

- Lapina N.Y. (2020) Not a very happy globalization: the French experience. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern]. No. 2: 190–209. (In Russ.)
- Lobovikov V.O. (2015) Criminology, history of philosophy and a discrete mathematical model of the formal axiology of criminal activity ("By concepts" did outstanding philosophers think and live?). *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS]. V. 15. No. 4: 5–24. (In Russ.)
- Martyanov V.S. (2018) Political subjects of late capitalism: from economic classes to rent-seeking minorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 43: 181–190. (In Russ.)
- Milanovic B. (2017) *Global Inequality. A New Approach for the Age of Globalization*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)
- Rudenko V.N. (2019) Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems. *Antinomii* [Antinomies]. Vol. 19. No. 4: 138–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00012>.
- Sedova N.N. (2019) Youth's life success: from Moscow to the outskirts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 505–529. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>
- Srnichek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Post-Capitalism and a Without Labor*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Stiglitz J. (2016) *The Great Separation. Inequality in society, or what should the remaining 99% of the population do?* Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (ed.) (2020) *Precariat: Formation of a New Class*. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Twenge J.M. (2019) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood*. Moscow: Ripol-Klassik. (In Russ.)
- Weiss H. (2021) *We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us*. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2534-0>.

Received: 16.09.21. Final version: 03.12.21. Accepted: 02.02.22.